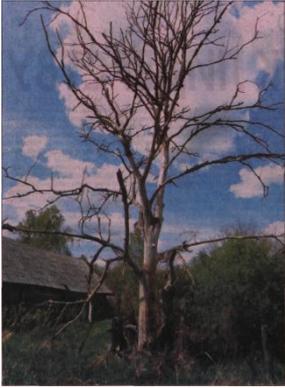

Оревичи. Украденные вёсны.

29 лет назад произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС.

"К левому высокому и крутому берегу была дорога. По ней можно было подъехать на автомобиле к реке и заливу. Отдельно стоящие по берегу ветвистые дубы

привлекали отдыхающих. Здесь в летний зной под кронами этих великанов размещалось немало разноцветных палаток, вывешивался флаг. Лагерь жил здесь весь сезон. Одни, отдохнув, уезжали, другие приезжали на их место... Отношения между людьми были миролюбивые. Этому способствовала сама природа. Несметные рыбные запасы во всех здешних водоемах красивый цветущий луг, бальзамический воздух, мягкая вода и ласковое солнце. Все это и многое другое переполняло людские сердца любовью и спокойствием..."

(Из книги В. Гапиенко "Рассветы над Припятью")

4 мая 1986 года прекратила свое существование деревушка Оревичи Хойникского района. Виной тому самая мощная в мире техногенная катастрофа — взрыв на Чернобыльской атомной станции. Последний местный житель был эвакуирован спустя десять дней после случившегося, с тех пор деревня вымерла.

Владимир Гапиенко родом из Оревичей (24 км от реактора, на 28.05.2005 г. радиационный фон превышал дозаварийный в 470 раз), провел на Полесье молодые годы и планировал посвятить ему всего себя, но апрельская трагедия внесла в его жизнь коррективы.

А в том селе ни голоса, ни звука...

"Какие секреты спрятаны под темной водой? В какой сказочный мир плывешь ты, красавица Припять? Кто отдыхает на твоих золотых песчаных косах? Кто гуляет по душистым травам в безграничных лугах? Не раскачиваются ли русалки на ветвях деревьев, что свисают над водой?.."

(Из книги В. Гапиенко "Рассветы над Припятью")

Субботнее утро 26 апреля 1986 года было солнечным, теплым. Буйно цвели сады, люди радовались весне, хорошей погоде, отправляли детей в школу и детский сад, спешили на посевную. Обычный день, обычная суета. Никто тогда не обратил внимания на чудовищное переутомление после работы, ведь сельский народ привык вкалывать до седьмого пота.

Владимир Гапиенко работал в местной школе учителем физики. В тот день он случайно услышал, как в учительской кто-то обмолвился: "Сегодня ночью атомная, вроде как, взорвалась". Владимир не поверил, ведь ничего подобного не объявляли, не придавал значения слухам и даже махнул на рыбалку. К концу дня на него навалилась неестественная усталость, захотелось быстрее прилечь. Возможно, от того, что сегодня очень жарко и душно, подумал он. Вечером самочувствие не улучшилось, еще и голос начал меняться, хотя простуды не ощущал. Невольно вспомнились неприятные слухи об атомке. Увидел в небе на небольшой высоте гражданский самолет — чувство тревоги усилилось...

А между тем после взрыва прошло уже 36 часов, людей никто не оповестил об опасности: сельчане активно трудились в поле, малыши резвились на веранде в песочнице, детские чепчики и ползунки развеивались на бельевых веревках.

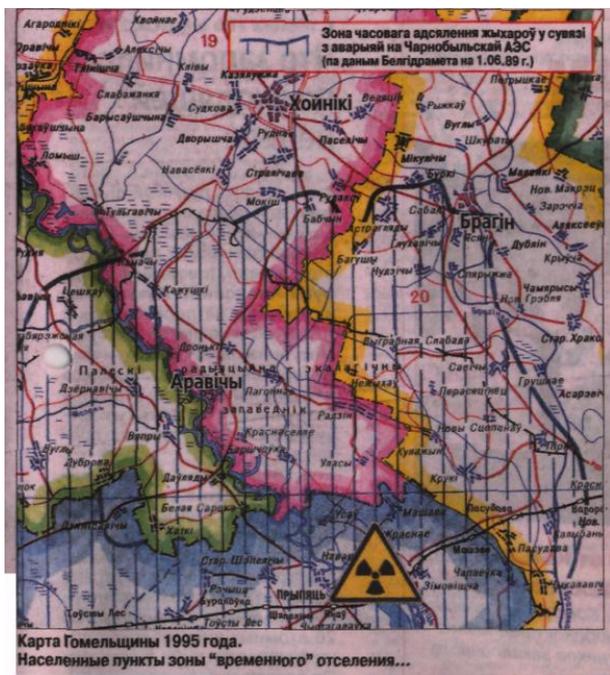
Вечером Владимир увидел женщину с ребенком, которая работала на ЧАЭС и только что приехала из города Припять. Она рассказала, что населенный пункт в воскресенье был оцеплен военными вплоть

до 15 часов, жители вынуждены были ждать разрешения на эвакуацию в самом эпицентре. На вопрос, что там произошло, уклончиво ответила, что как сотрудник электростанции не имеет права разглашать информацию, но когда узнала, что перед ней физик, выпалила: "Коль вы учитель физики, то устройство реактора знаете. Представьте, что вы вырезали четвертинку яблока и вынули ее. Увидели зерна — ядро. Это и произошло с реактором".

Владимиру поплохело. Он вспомнил о жене с годовалой дочуркой на руках — они проводили последние два дня на улице, наслаждаясь весенним теплом, о своих сыновьях и отце, об изменениях в самочувствии и понял, что время упущено.

Наибольшую опасность для человека, находящегося в зоне загрязнения радионуклидами, представляет радиоактивный йод. Период полураспада — 8 дней. Его изотопы, поступив в организм, концентрируются в щитовидной железе и вызывают облучение.

Гапиенко побежал в школу и детский сад и сообщил о катастрофе, посоветовал увести детей в помещение, снять радиоактивную одежду и обувь, вымыться (в прошлом он был начальником штаба гражданской обороны в школе и знал, как себя вести в подобных условиях), но сотрудники не поверили в случившееся. На всё один ответ: «Нет указаний сверху». Лишь поздно вечером по деревне поползли слухи об аварии на ЧАЭС, однако народ, который был достаточно далек от ядерной физики, не осознавал всей серьезности положения.

Слезы Первомая

Почему власти не объявили о том, что произошла техногенная катастрофа? Почему не эвакуировали местное население сразу после взрыва? Секретное сообщение о произошедшем еще ночью ушло в Москву. В нем сообщалось о пожаре, который локализован, о двух блоках, которые функционируют нормально, о том, что работает следственная группа.

Если сразу после взрыва уровень радиации был равен 20 — 30 микрорентгенам в секунду, то на следующий день специалисты называли цифру 1000. В первый день в атмосферу попало 25% радиоактивных веществ, остальные — в последующие 7 суток. В штаб гражданской обороны Беларуси первые новости поступили в шесть часов вечера — сведения "придерживали" сколько могли. Советский Союз хорошо хранил свои секреты.

Наступили первомайские праздники, по-прежнему от властей не поступало никаких заявлений и указаний. У кого была возможность, отправляли детей к родственникам, подальше от этого кошмара. Владимир отвез жену и детей в Гомель, а сам вернулся назад, чтобы инструктировать учеников по правилам поведения в радиационной зоне. Лишь 4 мая началась массовая эвакуация населения.

В хойникском музее "Трагедия Чернобыля", который был основан в 2007 году, в небольшом помещении живет память о чернобыльской трагедии. Это пожелтевшие от времени документы и фотографии, брошенные детские вещи и игрушки, пронизанные болью письма и дневники очевидцев, жертв, героев.

Эвакуация населения совпала со Светлым днем Пасхи. "Столы в домах ломались от еды, а на улицах стоял плач, как ее время войны", — писала в своем дневнике жительница выселенных Оревичей Валентина Прищеп.

Когда несколькими сутками ранее увозили детей — в деревнях творилось невообразимое. Валентина Василенко в то время работала воспитателем группы продленного дня в Оревичках: "Дети не хотели покидать родителей... тем более что

это были дети разного возраста: 5, 7, 17 лет заголосили бабушки, кто-то потерял сознание. Две девочки-близняшки так кричали, что и теперь слышу этот крик". Пожилые отказывались уезжать, предчувствуя, что никогда не вернуться. Все села в радиусе 30 километров от атомки опустели, а тысячи людей потеряли кров, имущество, а заодно и связь с прошлым, своими корнями, традициями...

Детей осмотрели медики. Тех ребят, которые получили опасную для жизни и здоровья дозу радиации, срочно госпитализировали. Остальных поделили на группы и отправили на оздоровление. Так получилось, что в лучшие санатории и пионерские лагеря попали дети из областного центра, а ребята с более загрязненных территорий были отправлены в условия куда хуже. Депо в том, что городских было легче собрать и организованно отправить, в сельской местности царил хаос — многие забирали детей и вывозили из опасной зоны самостоятельно.

Чернобыльцы

Владимир вместе со своими учениками оказался в Витебском районе, где им на 50 воспитанников было выделено для проживания крохотное здание интерната, рассчитанное на 12 человек. Без уборной, бани и пищеблока. Кормили слабо — "финансировал" местный совхоз, в связи с чем детей каждый день отправляли на прополку картофеля. Ученики ходили слабые от недосыпания — из-за жары и комаров спать было невозможно. Некоторые жаловались на постоянную головную боль и головокружение. У Гапиенко лопнуло терпение, и он начал мотаться по инстанциям в надежде, что пострадавшим детям предоставят нормальные условия. Тогдашний глава района уверил, что выделил чернобыльцам лучшее место. "Вот вам книга об истории нашего района. Займитесь делом, читайте вместе с учениками", — заявил чиновник.

Вереница госучреждений, пороги которых обивал Гапиенко, казались ему бесконечными, он не мог поверить в то, что их проблемы — это только их проблемы. Витебский облисполком, отдел здравоохранения, Витебский областной

совет профсоюзов. Летний лагерь посещали комиссии — медики брали анализы, представители власти обещали улучшить условия. Другими словами, приехал добрый дядя, посочувствовал и уехал обратно, наказав хорошо учиться и помогать совхозу.

Владимир завел дневник, в котором аккуратным почерком фиксировал все события, все хождения по чиновникам, мало того, записывал разговоры прямо при собеседнике.

Вскоре жизнь в лагере начала налаживаться, отремонтировали водопровод, построили баню, остались в прошлом проблемы с питанием. Владимир вспоминает, как впервые за пару месяцев детей посетили родители, а некоторых счастливых вообще забрали домой. Поражает, что многие даже не были в курсе, куда эвакуировали их детей. В суматохе взрослые отправляли ребят в неизвестность, только бы не оставлять в зараженной зоне. Поэтому дни посещений, когда к кому-то приезжали мамы и папы, заканчивались горькими слезами остальных. В конце августа детские летние лагеря прекратили свою работу и все ребята разъехались. А

Владимир Гапиенко начал выстраивать жизнь с нуля.

Каждый год в родные деревушки, которые уже одичали и заросли лесом, устремляются сотни людей со всех концов бывшего Советского Союза и дальнего зарубежья, чтобы посетить опустевший отчий дом, прикоснуться к своему прошлому, постоять у родительских могил, ВСПОМНИТЬ ту, другую, жизнь. Каждый год и Владимир Гапиенко ездит в милые сердцу Оревичи, чтобы почтить память жертв чернобыльской трагедии и своих предков, поклониться родной земле.

Источник: Гомельская праўда. — 2015. — №47(25 крас.). — С.6-7.